

П. А. РОЛЛАНД

Модели повествования в «Повести временных лет»*

Светлой памяти И. П. Еремина и Д. С. Лихачева

Нарративы «Повести временных лет» давно привлекали внимание исследователей, интересующихся прежде всего вопросом исторической достоверности событий, описанных в «преисторической» части текста и в рассказах Повести о первых правителях Руси — Рюрике, Игоре, Олеге, Ольге, Святославе и Владимире. Некоторые исследователи, например А. Стендер-Петерсен и О. Прицак, выявили следы сюжетов, которые восходят к неславянским традициям в «Повести временных лет».¹ В недавних исследованиях Р. Л. Фишера, Я. Банашкевича,² а также автора этих строк³ было обращено внимание на определенные нарративы или элементы нарративов, восходящих к индоевропейской мифологии, а также на наличие независимых от определенной традиции, мифологических и аллегорических по своей структуре нарративов.

Однако поэтика данных нарративов и поэтика летописного повествования в целом почти не привлекали внимания исследователей. При всех своих недочетах наиболее значительными до сих пор остаются замечания на этот счет И. П. Еремина. На основании стилистических и функцио-

* Автор выражает искреннюю благодарность коллеге Е. А. Погосян за перевод статьи на русский язык и своему докторанту П. Ж. Ларсону за техническую подготовку текста.

¹ *Stender-Petersen A.* Die Vaeringer Saga als Quelle der Altrussische Chronik. Copenhagen, 1934 (Acta Jutlandica. VI); *Pritsak O.* The Origins of Rus. Vol. I. The Scandinavian Sources. Cambridge (Mass.), 1981.

² *Fischer R. L., jr.* Indo-European Elements in Baltic and Slavic Chronicles // Puhval J. Myth and Law Among the Indo-Europeans: Studies in Comparative Indo-European Mythology. Berkeley; California et al., 1971. Фишер выявляет в рассказах о князьях «преисторического» периода, Рюрике, Олеге и Святославе, «три функции» правителя (король как жрец, воин и цивилизатор), описанные в труде: *Banaszkiewicz J.* Podanie o Piaście i Popielu: Studium porównawcze nad średniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986. Автор в основном работает с ранними династическими легендами польских хроник, характеризует рассказ о Рюрике как типичный пример повествования об основателе правящей династии.

³ *Rolland P. A.* Legenda świętoandrzejska Powieści minionych lat: Mit u źródeł mitu narodowego // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1989. Т. 37. № 3/4. S. 301—309. Здесь легенда о посещении Киева апостолом Андреем рассмотрена в качестве мифологического и теологического обоснования первенства Киева как политического и религиозного центра Руси и законного права на первенство правящей династии. Эта легенда рассмотрена на фоне средневековой картины мира, а также «мифов творения» и политической «космогонии», как о них пишет М. Элиаде: *Eliade M.* Myth and Reality. New York, 1968. P. 21—38.

нальных признаков он выделяет в тексте «Повести временных лет» пять базовых форм повествования.

1. Погодная запись — предельно короткие документально-фактические заметки, которые «регистрируют» единичные события (рождение или смерть какого-либо лица, стихийные бедствия, наиболее значительные политические происшествия); составитель (составители) Повести снабжает их минимальным комментарием или вовсе обходится без него.
2. Летописное сказание — исторический нарратив устно-поэтического происхождения или нарратив, несущий черты поэтики устной легенды в «книжной переработке».
3. Летописный рассказ — документальное повествование, основанное на рассказах очевидцев с сильной тенденцией к фактографии и наличием рассказчика («составлен со слов очевидца или самим очевидцем»).
4. Летописная повесть — рассказ о смерти князя с легкой агиографической окраской.
5. Документы княжеских архивов — договоры или документы административного характера, которые не имеют литературной ценности.⁴

Устный характер рассказов «Повести временных лет» о первых правителях Руси от Кия до Ольги и, возможно, даже до Владимира признается большинством ученых. Как самостоятельные нарративы, однако, рассказы о первых правителях Руси не были рассмотрены ни Ереминым, ни другими исследователями. К сожалению, Еремин, в том числе и по причине доминирующего во время его работы над текстом «Повести временных лет» отрицательного отношения к формальному литературному анализу, определяет «устную поэтику» только в самых общих чертах. Более подробный и углубленный формальный анализ позволил бы отчетливее очертить как признаки такого типа повествования, так и мировоззрение повествователя-летописца. Такой анализ может привести к отличному от традиционного пониманию доисторического и раннеисторического периодов в истории Руси, не говоря уже об историографии Руси. Более того, сопоставление указанных типов повествования с летописными традициями Польши и Чехии может показать как общность подхода летописцев к своему материалу, так и уникальные особенности каждого из памятников ранней восточнославянской традиции в их отношении к памятникам других славянских народов, созданных на этом же этапе исторического развития.

Настоящая статья призвана продолжить исследования И. П. Еремينا, причем в ней используются методы формального анализа, предложенные датским ученым А. Олриком и другими представителями финской школы

⁴ Еремин И. П. Лекции по древнерусской литературе. Л., 1987. С. 54—64. О. В. Творогов предлагает самый общий комментарий к интересующим нас текстам, но не дает в своей работе ни глубокого анализа, ни определенных выводов по вопросу о поэтике интересующего нас типа нарративов. См.: Творогов О. В. Сюжетное повествование в летописях XI - XIII века // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Под ред. Я. С. Лурье. М.: Л., 1970. С. 31—67.

фольклористики, а также подход румынско-американского исследователя М. Элиаде и русского медиевиста С. Аверинцева, которые выявили тенденцию средневекового историографа видеть историю и исторических персонажей в рамках повторяющихся сюжетных схем.⁵ Наиболее значительное влияние на мое исследование оказала работа английского ученого Ф. Р. Сомерсета (лорда Рэглана) «Традиционный герой».⁶ Рэглан рассмотрел биографии наиболее значительных персонажей языческой и иудео-христианской мифологии, а также ранней литературной традиции и на основании своих наблюдений описал архетипическую модель биографии персонажа такого типа. Есть основания предполагать, что подобные модели имели важное значение и при создании «Повести временных лет» и что средневековый книжник, который описывал жизнь «доисторических» и ранних «исторических» правителей Киевской Руси, оперировал теми же моделями повествования.

Внимательное чтение той части Повести, где описаны «деяния» ранних правителей Руси от Кия до Владимира, позволяет обнаружить наличие устойчивых нарративов, которые не только лежат в основе описания тех или иных ситуаций, отдельных эпизодов и княжеских биографий, но и служат образцом для целых записей. Предположение о том, что в сознании киевского книжника присутствует прототип идеального правителя Руси, «деяния» которого становятся образцом для всякой княжеской биографии, является, на мой взгляд, вполне обоснованным и подтверждается на протяжении всего текста.

Интересный и важный пример такого типа нарративов можно найти в рассказах об установлении власти князя как правителя и об основании княжеского рода. Сюда следует отнести по крайней мере два эпизода Повести: первый относится к 862 г., моменту учреждения власти Рюрика и «Руси», второй связан с правлением Святослава и относится к 969 г.⁷

Как мы помним, в первом рассказе речь идет о славянских и финских обитателях северной части Руси, которые будто бы приглашают Рюрика и

⁵ См.: *Oriak A. Epische Gesetze der Volksdichtung // Zeitschrift für Deutsches Altertum*. 1909. Т. 51. С. 1—12. Исследователь предлагает процедуры для определения формальных черт устных по своему происхождению нарративов, его работа является основным источником методологии, использованной в моей статье. Среди других важных работ по данной теме следует назвать: *Eliade M. Myth and Reality*. Необходимость для средневекового летописца видеть историю и исторических персонажей через призму устойчивых нарративов рассмотрена в работе: *Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья: (Общие замечания) // Античность и Византизм / Под ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975. С. 266—285.*

⁶ *Reglan, Lord. The Hero of Tradition // The Study of Folklore / Ed. A. Dundes. Englewood Cliffs (New Jersey), 1965. P. 142—158.* Из других работ можно назвать: *Oriak A. Grundsatzung für Sagenforschung. Copenhagen, 1921; Thompson S. 1) The Folktale. New York, 1946; 2) Motif Index of Folk Literature / Rev. a. Enlarg. ed. Bloomington (Indiana), 1955; Пропп В. Мифология сказки. СПб., 1994; Lord A. Bates. The Singer of Tales. Cambridge (Mass.). 1964; *Deh L. Märchen. Erzähler und Erzälgemeinschaft: Dargestellt an der ungarischen Volksüberlieferung. Berlin, 1962.**

⁷ Текст «Повести временных лет» дается по изданию: Памятники литературы Древней Руси. XI —начало XII в. / Под ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1978. С. 23—279 (далее — ПЛДР, с указанием в тексте страницы) и: Первая Новгородская летопись старшего и младшего изводов / Под ред., с предисл. А. С. Насонова (далее — ПНЛ, с указанием в тексте страницы). Рассказ о призвании варягов — ПЛДР. С. 36; ПНЛ. С. 106—107.

его младших братьев Синеуса и Трувора «княжити и володети»: Рюрик, старший брат, получает в правление Новгород, Синеус — Белоозеро и Трувор — Изборск. Через два года младшие братья умирают, и Рюрик начинает править один (ПЛДР. С. 36). Банашкевич замечает, что эта черта является типическим признаком сюжета об основании династии. Во втором эпизоде сообщается, что Святослав посадил Ярополка в Киеве, Олега у древлян, а Владимира (будущего крестителя Руси) — в Новгороде *по просьбе самих новгородцев* (ПЛДР. С. 82).⁸

Независимо от того, являются ли детали во втором эпизоде легендарными или историческими, появление второй триады скандинаво-славянских выходцев как правителей в главных городах Руси крайне показательно. Не менее важно и то, что один из представителей триумвирата, Владимир, вскоре станет, как и Рюрик, единственным или верховным правителем и прародителем правящей династии, под покровительством которой «Повесть временных лет» велась в Киеве. Если мы встанем на позицию повествователя (и мы имеем к тому все основания), то увидим, что события истории человечества представлены здесь периодически повторяющимся набором признаков в типологически близких ситуациях (во времени и вечности); в этом контексте совпадения двух названных сюжетов станут объяснимыми и абсолютно понятными.⁹

Последний из двух рассказов содержит также мотив, который повторяется снова и снова в ситуациях, связанных с раннескандинавскими и скандо-славянскими правителями Руси, а именно — мотив двоевластия. От полуполюгендарного Рюрика до исторического Владимира все «князья» начинают свое правление под попечением кого-либо или в соправительстве с кем-либо. Для Игоря/Ингваря, сына Рюрика, это был Олег, для Святослава — Ольга, для Владимира — Добрыня. Во всех случаях, кроме последнего, в связи с малолетством наследника более взрослый и опытный правитель принимает власть, и все его действия в Повести представлены так, как если бы он правил самостоятельно. И хотя такая ситуация логически вытекает из обстоятельств, нужно учитывать и тот факт, что существует по крайней мере одна пара «царственных диоскуров» — Ромул и Рем, и потому можно предположить, что и в данном случае мы имеем дело с сохранившейся в Повести древней традиционной схемой исторического повествования.

Третий очевидный пример процесса схематизации исторического повествования относится к атрибутам и деяниям самого князя. Рассказ о Кие, по-видимому, является для хрониста прототипом или архетипом при описании «идеального князя» и в значительно более поздних случаях. Главными чертами «биографии» Кия, если учитывать данные как «Повести временных лет», так и Первой Новгородской летописи, являются:

1. старшинство среди братьев;
2. основание города — Киева/Киева;
3. совершение великих дел:

⁸ Банашкевич замечает, что это типичная черта рассказов об основателе династии (см.: *Banaszkiewicz J. Podanie... S. 96*).

⁹ *Аверинцев С. С. Порядок космоса... С. 273.*

- a. Кий идет в Царьград — и византийцы воздают ему честь;
- b. Кий основывает город Киевец на Дунае;
- c. Кий — великий охотник.

И хотя количество деталей в рассказе о жизни Кия ограничено, они являются типичными для биографии основателя города, племени, народа или государства.¹⁰

Тематический анализ рассказов о русских правителях от Олега до Владимира обнаруживает устойчивую повествовательную модель, близкую к описанной выше. В одном из случаев модель повествования содержит такие близкие переключки, что мы без сомнения можем заключить, что имеем дело с двумя вариантами одного и того же сюжета. В целом модель рассказа, посвященного правлению Олега и Игоря, содержит следующие черты.

1. Описание вокняжения (восшествия на княжеский престол).
2. Описание распространения власти (чаще всего в результате войн и «собираения» племен») на восточнославянских территориях, которые не были получены по наследству.
3. Описание отношений с Византией, включая обычно (хотя и не всегда) военные походы, заключение договоров или по крайней мере упоминание о договорах.
4. Возвращение из похода (часто военного).
5. Смерть или передача власти (часто трем или четырем наследникам).

Рассмотрим, как эта схема представлена в тексте:

	Олег/Игорь		Игорь
882	Захват Смоленска, Любича, Кнева, убийство Аскольда и Дира.	903	Игорь берет Ольгу себе в невесты.
883	Походы против древлян и установление дани.	904	Игорь в Киеве.
884	Походы против северян и установление дани.	913	Поход против древлян.
884	Походы против родимичей и установление дани.	914	Победа над древлянами и установление дани (большей, чем была при Олеге), походы против уличей и тиверцев.
904	Поход против греков, установление дани в пользу русов и славян.	935—941	Неудачный поход против греков, договор с греками.
		944	Победоносный поход на греков, получение с них дани.
912	«Второй» договор с греками, возвращение в Киев, смерть от коня.	945	Список договоров с греками, возвращение в Киев. Приходит осень, и Игорь думает об увеличении древлянской дани, смерть и похороны в Искоростени.

¹⁰ О героических чертах «основателя» см.: *Leinw G., van der.* *Phaenomenologie der Religion.* 3. Aufl.: Unveränderten Nachdruck der zweiten durchgesehenen und unerweiterten Auflage. Tübingen, 1970. S. 453—457; *Banaszkiewicz J.* *Podanie...* S. 25—40. Сведения о том, что Киев был основан, как и античные города греко-римского мира «великим героем» Кием, который был перевозчиком или великим охотником, знакомы и составителю начальной части Первой Новгородской летописи, известной под названием «Начало земли русской» (ПНЛ. С. 103—104, 431).

Ольга/Святослав

Святослав

945	Мсть древлянам (первые три эпизода).	945/6	Участие в мести матери.
946	Мсть древлянам (четвертый эпизод), установление дани, погостов и ловов и т. д.	964	Походы против племен, живущих по Оке.
947	Установление дани, погостов и ловов в Новгородской земле, ловища еще сохранились во Пскове, село Ольжичи.	965	Успешные походы против хазар.
		966	Успешный поход против вятичей, установление дани.
955	Поездка в Царьград, крещение, получение даров и возвращение в Киев.	967	Успешный поход против дунайских болгар, взятие 80 городов, правление в Переяславце.
969	Смерть в Киеве.	968	Печенеги осадили Киев, Святослав вернулся и победил их, установил мир.
		969	Поселился в Болгарии.
		970	Назначил Ярополка, Олега и Владимира правителями.
		971	Успешный поход против болгар и греков, отказ от дани «золотом и поволоками» в пользу дани оружием, получение дани, договор.
		971/2	Отказ уклониться от печенегов, которые знали о его походе в Киев от переяславцев; убит кочевниками на днепровских порогах (ПЛДР. С. 38—88).

Сравнительный анализ сведений, которые содержатся в интересующих нас рассказах о князьях, позволяет выявить следующие общие (повествовательные) элементы.

1. Правители совместно участвуют в походах (походы Олега—Игоря. Игорь—Ольги, Ольги—Святослава, Добрыни—Владимира), старший из них участвует в походе или как помощник, или же как соправитель.
2. Каждое новое правление начинается военными походами с целью установить власть: правление Олега и Игоря (древляне), Игоря и Ольги (древляне), Ольги (северные районы) и в наибольшей мере Святослава (вятичи, хазары, ясы, касоги, болгары).
3. Походы или другие формы контактов с Византией, что может включать:
 - a. подготовку к походу или посольству;
 - b. описание похода или посольства с указанием на военное превосходство русских;
 - c. описание или упоминание дани и даров;
 - d. «списки» с договоров, данные полностью или в отрывках.
4. Описание возвращения правителя в Киев/домой и его/ее пребывание здесь «в мире со всеми странами» (о чем сообщается в аналогичных или похожих выражениях).

5. Упоминание о смерти или передаче власти наследникам, за чем часто следует упоминание о продолжительности правления с использованием типичного библеизма: «и бысть всех лет княжения его...».¹¹

Эти совпадения особенно замечательны в тех частях Повести, где речь идет об Олеге и Игоре. Здесь общими оказываются не только основные деяния князей, но и их последовательность, совпадает даже фразеология. Это особенно ярко выражено в той части, где рассказывается о последнем походе князя и его смерти. В случае Олега эта запись отнесена к 912 г., в случае Игоря — это двойная запись под 945 г. Такое удвоение является текстологической странностью и может быть объяснимо только как результат особого способа компиляции в летописи. Совпадения рассказов о смерти Олега и Игоря настолько показательны, что требуют самого пристального внимания.

Запись 912 г. содержит три основных компонента:

1. крайне длинный и детальный мирный и торговый договор между Олегом и русами, с одной стороны, и Византией, с другой;
2. переходный отрывок, который следует сразу же за договором; в нем говорится: «И живяше Олег, княжа в Киеве, мир имея ко всем странам. И приспе осень, и помяну Олег конь свой, иже бе поставил кормить и не вседати на нь» (ПЛДР. С. 52);
3. история смерти Олега от змеи, которая таилась в черепе коня (конь был оставлен из-за предсказания волхва о смерти князя от этого коня), данная в записи за 912 г.;
4. реакция людей на смерть Олега и его похороны «на горе, еже глаголеться Щековица: есть же могила его и до сего дни. *словеть* могыла Ольгова» (ПЛДР. С. 54) и замечание, что «и было всех лет княжения его тридцать и три» (ПЛДР. С. 54);
5. пространное рассуждение летописца-христианина о волховании и его дьявольской природе.

Первая запись 945 г. типологически почти точно повторяет идентичную запись 912 г. Она состоит из:

1. пространныго и подробного «договора» между Игорем и «русами», с одной стороны, и византийцами, с другой;
2. короткого переходного сегмента, который ведет к следующей записи за 945 г.; этот сегмент сообщает: «Игорь же нача княжити в Киеве, мир имея ко всем странам. И приспе осень, и нача мыслити на древляны, хотя примыслити большую дань» (ПЛДР. С. 68).

Непосредственно за этим следует вторая запись за 945 г., в которой злополучный поход Игоря на древлян и трехкратная месть Ольги убийцам ее мужа соотнесены между собой.

Тот факт, что переход от «договора» к рассказу о смерти дан практически в тех же выражениях, что и в записи 912 г., вряд ли является случай-

¹¹ Fischer R. L. Indo-European Elements... P. 150; Прицак (Pritsak O. The Origins of Rus. P. 141—149) рассматривает мифологический пласт рассказов о ранних правителях Киева и указывает, что тема соправителей или «двоскуров» как вождей своего народа появляется и в германских исторических нарративах (P. 141).

ным. Кроме того, и в том и в другом случае князья решают пренебречь предостережением, что приводит к их смерти. Здесь мы имеем дело с устойчивым мотивом устно-поэтической традиции, который появляется также и в рассказе о разделе земель Святославом. Обратим внимание, что и Игорь, и Святослав погибли в погоне за богатством. Все три записи, таким образом, связаны по своей природе с устно-поэтической традицией.¹²

Уже И. П. Еремин отметил, что средневековый летописец часто стоял перед необходимостью составить биографию персонажа, который жил задолго до него и о котором он ничего не знал, кроме имени, легенд иностранного и отечественного происхождения и, возможно, «документов» из княжеских архивов. Летописец основывал свой рассказ на этом материале и перерабатывал его в соответствии со своими представлениями о том, как следует писать историографическое или биографическое сочинение. В результате такой переработки создавалась серия нарративов и биографий, посвященных основателям правящей династии. Эти рассказы обладали всеми признаками «исторического» («правдоподобного») нарратива и одновременно носили комплиментарный по отношению к правящему князю характер.¹³

Главной целью моей краткой заметки было указать на устойчивые второряющиеся нарративные модели в рассказах о поступках князей и событиях из их жизни, которые и составляют основу повествовательной ткани в ранних записях «Повести временных лет». Эти модели не только проясняют процесс работы летописца, но и позволяют поставить вопрос о возможных путях интерпретации как данного текста, так и других исторических сочинений интересующей нас эпохи.

¹² С. Томпсон (*Thompson S. Motif Index...* Т. 1: А—С) перечисляет 999 мотивов, связанных с нарушением запрета и последствиями такого нарушения. На с. 543 находим мотив С-920 — «смерть из-за нарушения запрета». Попытка Олега избежать смерти от коня отнесена к мотиву «Тщетная попытка избежать исполнения пророчества» — М-370 (Vol. 4. P. 63).

¹³ Еремин И. П. Лекции по древнерусской литературе. С. 55—57.